

УДК 94

Сунь Цзюньфэн*аспірант 3-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Sun Junfeng***3 Year Postgraduate Student of Department of International Relations
at the Belarusian State University
e-mail: sunjunfeng9012@gmail.com***КИТАЙСКО-ТАЙВАНЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ (2002–2012 гг.)**

Отражена специфика развития китайско-тайваньских отношений в период четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.). Выделены этапы развития китайско-тайваньских отношений: конфронтация и крипто-сепаратизм (2002–2005 гг.), прогресс в отношениях между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом (2005–2008 гг.), косвенные стратегии и фактическая унификация (2008–2012 гг.). Рассмотрены исторические предпосылки и основные закономерности изменения вектора китайско-тайваньских отношений на каждом этапе. Проанализированы особенности и результаты развития китайско-тайваньских отношений в 2002–2012 гг.: общая согласованность основных действующих лиц, задействованных в разрешении «тайваньского вопроса»; взаимопонимание Гоминьдана и КПК как ключ к стабильности отношений материкового Китая и Тайваня; политические процессы, определившие динамичность и многовекторность тайваньской политики; идея неконфронтации.

Ключевые слова: *международные отношения, история Тайваня, «Тайваньский вопрос», Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки.*

China-Taiwan Relations During the Fourth Generation of Leaders (2002–2012)

The article describes the specifics of the development of Sino-Taiwanese relations during the fourth generation of leaders led by Hu Jintao (2002–2012). The stages of the development of Sino-Taiwanese relations were identified: confrontation and crypto-secessionism (2002–2005), the progress of the CPC – GMD relations (2005–2008), indirect strategies and actual unification (2008–2012). The article describes the main patterns and historical prerequisites for changing the vector of Si-no-Taiwanese relations at each stage. The article describes the features and results of the development of China-Taiwan relations in 2002–2012: the general coherence of the main actors involved in the resolution of the «Taiwan issue»; mutual understanding of the GMD – CPC was the key to the stability of relations between mainland China and Taiwan; the weakness of political processes that determined the dynamism and multi-vector nature of Taiwan policy; the idea of non-confrontation.

Key words: *international relations, history of Taiwan, Taiwan question, People's Republic of China, United States of America.*

Введение

Конец маоизма и начало китайской политики реформ и открытости (1978 г.) ознаменовали собой начало изменения ориентации политики Китая в отношении Тайваня. Не случайно, когда начался процесс реформ, руководство КНР направило «Послание соотечественникам на Тайване», в котором объявлялось об официальном прекращении бомбардировок, а также о поддержке воссоединения Тихоокеанского региона.

Без реформы на материковом Китае этих дипломатических сигналов, вероятно, не было бы. В настоящее время воссоединение Тайваня с материком рассматривается как часть восстановления Китая после утраты территориальной целостности, возникшей в результате исторического периода упадка и ослабления государства. Политический процесс, начатый в 1911 г., стремился положить конец этой ситуации с провозглашением первой Республики на Азиатском континенте и, таким образом, восстановить центральное положение КНР в международной геополитической системе. Независимо от обстоятельств это стремление, связанное с силой импульса императорской династической традиции Китая,

Научный руководитель – Владислав Валерьевич Фрольцов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

подразумевает модернизацию и объединение, неразрывно их связывая. После Гонконга и Макао Тайвань является самой большой нерешенной территориальной проблемой КНР [1, с. 29–30].

Цель статьи – изучить специфику развития китайско-тайваньских отношений в период четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.).

Задачи исследования:

1) выделить этапы развития китайско-тайваньских отношений в период четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.);

2) проанализировать основные закономерности и исторические предпосылки изменения вектора китайско-тайваньских отношений;

3) выявить особенности и результаты развития китайско-тайваньских отношений в 2002–2012 гг.

Основная часть

Ху Цзиньтао был избран Генеральным секретарем на 16-м съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2002 г., что придало новый импульс в политике материкового Китая в отношении Тайваня. Следует подчеркнуть, что, несмотря на взаимные идеологические антагонизмы, две правящие партии – Гоминьдан (ГМД) (Тайвань) и КПК (Китай) – всегда придерживались принципа «Единого Китая». Их национальные проекты были основаны на этой же идее, хотя имели расхождения в интерпретации. Это расхождение усилилось, когда КНР заняла место Китайской Республики (Тайвань) в ООН [12, с. 243].

Китайско-тайваньские отношения в период четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.) можно подразделить на три этапа.

1. Конфронтация и крипто-сепаратизм (2002–2005 гг.).

Чэнь Шуйбянь, президент Китайской Республики (Тайвань), вступивший в должность в 2000 г., продвигал дискурс, ориентированный на суверенитет, на протяжении всего срока своего пребывания в должности [8, с. 132]. Он делал это в логической последовательности с программой своей Демократической прогрессивной партии (ДПП). При этом он умерил претензии на независимость и избегал проведения плебисцита, ко-

торый вызвал бы негативную реакцию материкового Китая, но придерживался приверженности тайванизации.

По мнению Чэнь Шуйбяня, признаком идентичности острова является новая демографическая реальность, основанная на инкорпорации новых поколений граждан. К таковым он относил тех, кто не пострадал от гражданской войны и чувствует себя гражданином Тайваня, интегрирован в китайскую культуру, но без малейшего панкитайского патриотизма и открыт для мультикультурализма [5].

Процесс самоидентификации Тайваня, ускоренный Чэнь Шуйбянем, столкнулся с тремя основными препятствиями.

Во-первых, *инерция экономической динамики Тайваня*. Когда Ху Цзиньтао стал Генеральным секретарем КПК (2002 г.), тайваньские инвестиции в материковый Китай достигли 60 млрд долл. США [10]. Чэнь Шуйбянь не смог остановить этот процесс, поскольку вектор его политики был направлен на демократизацию Тайваня, что также подразумевало более благоприятную ситуацию в отношении политического контроля над субъектами бизнеса, которые стремились максимизировать свою прибыль, не принимая во внимание мнение властей, когда это мнение их не устраивало.

Во-вторых, *достаточно сильная внутривластная оппозиция*. Политическая направленность Чэнь Шуйбяня и партии ДПП повлияли на действия оппозиционной партии ГМД. Например, накануне 16-го съезда КПК (2002 г.) партия ГМД в парламенте предложила разрешить прямые рейсы между Тайбэем и Шанхаем во время празднования Нового года под предлогом облегчения возвращения многих тайваньских бизнесменов, которые жили на материке. Правительство отказалось от этой инициативы. Возможности реализации политики сближения с материковым Китаем были прямо пропорциональны способности ГМД восстановить свои позиции на тайваньской политической арене [14, с. 126–127].

В-третьих, *неприятное силовое давление материкового Китая*. Пекин заявил, что возобновление диалога не произойдет, если новые власти в Тайбэе не признают принцип «Одного Китая», что было неприемлемым требованием для ДПП [2, с. 159]. Шесть обязательств, заявленных Чэнем в

самом начале срока его полномочий (не провозглашать независимость, не изменять название страны, не включать в Конституцию выражение «межгосударственные отношения», не организовывать референдум о суверенитете и не отменять принципы и платформы, созданные ГМД и предназначенные для решения тайваньской политики), не повлияли на риторику Пекина, который увидел расхождение в словах президента Тайваня и его практических действиях [3].

Китай на этом этапе имел мало влияния на внутреннюю политику Тайваня, чтобы остановить сепаратизм. Однако это не стало препятствием для продвижения стратегии изоляции Чэня, используя мнения на международной арене, где он был представлен как безответственный лидер, угрожающий стабильности всего региона [5].

Растущая экономическая мощь и влияние материкового Китая позволяли ему существенно влиять на экономику Тайваня. Чэнь Шуйбянь начал свой срок полномочий с 29 дипломатическими союзниками, из которых в 2008 г. осталось только 23 (Доминика, Македония, Либерия, Гренада, Чад и Коста-Рика признали Пекин), а с Вануату, Науру, Кирибати и Сента-Люсией имелись разногласия. Любой визит президента Тайваня, обозначенный как «частный визит» в другую страну, вызывал немедленное вмешательство властей КНР. Например, в декабре 2002 г. Джакарта отклонила визит Чэня, несмотря на тайваньские инвестиции (17 млрд долл. США до декабря 2001 г.) и рост двусторонней торговли, которая выросла за последний год на 32,27 % [10]. Такое положение также поставило под сомнение будущее «тайваньской политики в отношении Юга», которая была начата бывшим президентом Ли Тэнхуэем с целью уменьшения чрезмерной экономической зависимости от материкового Китая.

Изменение тактики материкового Китая было четко отмечено в ходе президентских выборов на Тайване 2004 г. Китай избегал любой демонстрации силы и принуждения, предпочитая отдавать приоритет «мягкой силе». 3,4 млрд долл. США тайваньских инвестиций были направлены в экономику материкового Китая в 2003 г. 58,4 млрд долл. США составил объем двусторонней торговли, и 60 623 тайваньских

предприятий были созданы в Китае, а рост экспорта в Китай увеличился на 20 % [10].

Выборы 2004 г. в Тайване были очень важны из-за их влияния на Пекин, поскольку они укрепили идею идти в правильном направлении поддержания нормализации двусторонних отношений вопреки официальным разногласиям. Следует отметить, что время пребывания Чэнь Шуйбяня на посту президента было ознаменовано поворотом к гражданскому обществу в соответствии с парадигмой, разработанной Р. Кеоханом и Дж. Наем [7], где негосударственные субъекты могли устанавливать отношения и связи со своими коллегами по ту сторону пролива, оказывая влияние на внутреннюю политику страны.

Помимо официальной политики тайваньского правительства, а иногда в противоположность ей, эти отношения способствовали автономному управлению собственными интересами и трансляции норм поведения и сотрудничества. На самом деле, предприниматели, чтобы удовлетворить свои экономические интересы, поощряли взаимозависимость. Эта динамика и альянсы вне правительственной системы оказывали явное влияние как на Чэнь Шуйбяня, так и на Ху Цзиньтао, подталкивая их к политическому диалогу и созданию координационных механизмов для решения важных вопросов.

II. Прогресс отношений Коммунистической партии Китая и Гоминьдана (2005–2008 гг.).

В конце марта 2005 г. делегация ГМД посетила материковый Китай. Эта инициатива противопоставлялась мнению о постоянной напряженности в установлении устойчивого диалога по таким разнообразным вопросам, как открытие финансового рынка материкового Китая, сельскохозяйственная кооперация и установление прямых рейсов между двумя странами, а также перевозка грузов. КПК также занималась подготовкой официального визита в КНР Лянь Чжэня, председателя партии ГМД. Через месяц этот визит состоялся, что формально положило начало «третьему сотрудничеству» между ГМД и КПК. Ху Цзиньтао снова выдвинул инициативы, которые Цзянь Цзэминь озвучил еще в 1995 г., в «восьми пунктах», распространив их также на Джеймса Суна, которого также пригласили посетить мате-

рик, и на Новую партию (НП), наиболее отождествляемую с политикой объединения материка и острова [12, с. 244].

Визит Лянь Чжэня имел важное историческое значение. Это была первая официальная встреча лидеров двух стран после окончания братоубийственного конфликта. КПК и ГМД открыли новую страницу своих отношений с начала реформ и открытости Дэн Сяопина в конце 1978 г. Встреча Ху Цзиньтао в качестве генерального секретаря КПК и почетного председателя партии ГМД Лянь Чжэня закрепила успех достигнутого ими взаимопонимания [5]. Таким образом, укреплялась парадипломатия, архитекторы которой были КПК и ГМД. КПК могла гарантировать выполнение своих обязательств, в то время как ГМД как правительственная оппозиция на Тайване не располагала всеми институциональными механизмами для выполнения заявленных на встрече обязательств.

В апреле 2006 г. в Пекине впервые прошел экономический и торговый форум КНР и Тайваня. Это мероприятие было организовано совместно КПК и ГМД с участием тайваньских инвесторов и бизнесменов, обосновавшихся в Китае. Чэнь Юйлинь, директор Управления по делам Тайваня Государственного совета КНР, заявил о различных преференциальных мерах в интересах тайваньского экспорта сельскохозяйственной и рыбной отрасли, признании университетских дипломов, выданных на Тайване, либерализации визитов на остров, расширении возможностей трудоустройства тайваньцев на материке и т. д. [13, с. 216].

Результаты форума повлекли за собой дальнейшее политическое сближение между китайским правительством и оппозицией из Тайбэя, созданное на основе четкого и взаимного признания Консенсуса 1992 г. и общего убеждения о начале нового этапа в отношениях между материком и островом.

Прогресс этих новых отношений КПК – ГМД и серьезные обвинения против Чэнь Шуйбяня и его семьи в коррупции завершили период его управления Тайванем. Политический кризис перерос в жесткую конфронтацию в вопросе законодательного разрешения проблем свободного передвижения товаров между двумя сторонами пролива, которые наносили ущерб бизнесу и препятствовали инвестициям иностранных

компаний. Такая ситуация повлияла и на продажи Тайваню американского оружия. В течение нескольких лет Тайвань пытался обеспечить закупку трех комплектов вооружения из США с целью обеспечения самообороны и модернизации армии Тайваня. Первоначальный бюджет, предложенный Министерством обороны Тайваня, составлял 610,8 млн долл. США, но он был сокращен в ходе его принятия на законодательном уровне до 6,2 млн долл. США [13, с. 223].

После муниципальных выборов 9 декабря 2006 г. в Тайбэе и Гаосюне вырисовалась новая картина развития политической ситуации в Тайване. Партия ГМД призвала к проведению выборов как возможности критиковать президента Чэнь Шуйбяня и саму партию ДПП.

На встрече лидеров КПК и ГМД в апреле 2007 г. (третий визит с 2005 г.) было продолжено обсуждение двусторонних отношений. Эта встреча предшествовала новому форуму с широким участием бизнес-лидеров и членов ГМД. Китайские власти объявили тогда, что не будут вносить никаких изменений в свою стратегию: новые преференциальные меры были приняты с целью двустороннего развития туризма, связи и транспорта. Кроме того, они также рассматривали вопросы образования и молодежных обменов. У представителей партии ГМД была одна цель – получение большинства на выборах в законодательное собрание в январе и победа на президентских выборах 22 марта 2008 г. Некоторые политики считали, что Чэнь Шуйбянь попытается воспользоваться Олимпийскими играми 2008 г. в Пекине, чтобы получить международное признание суверенитета Тайваня, бросив вызов поведению КПК в отношении этого спортивного форума, поскольку КНР стремилась создать для мира определенный образ нового Китая [14, с. 132].

Выборы в законодательные органы Тайваня 12 января 2008 г. привели к бесспорной победе ГМД, которая одержала победу дважды: с одной стороны, получив 81 из 113 мест в правительстве, что составляло более двух третей палаты; с другой стороны, предложения ГМД по референдуму провалились, потому что явки в 26 % было недостаточно для его юридической силы. Тем временем ДПП набрала только 24 % голосов – 27 мест [9].

Ма Инцзю, кандидат на выборах президента в 2008 г. от партии ГМД, учитывая результаты декабрьских выборов, настаивал на ускорении процесса объединения, добиваясь того, чтобы ни этот вопрос, ни независимость не стояли в повестке дня. Он попытался пойти против политических идей Чэнь Шуйбяня, поощряя адаптацию к растущей тайванизации и проводя дебаты с другими прагматическими силами [5].

Когда 22 марта 2008 г. состоялись президентские выборы, у Ма Инцзю было 58,45 % голосов против 41,55 % у его соперника Фрэнка Се. Ма Инцзю удалось не только выиграть президентские выборы, но и сделать что-то еще более сложное – примирить ГМД с Тайванем [9]. Партия Гоминьдан играла важную роль в политической жизни острова с 1945 г., но репрессии, применявшиеся против коренного населения по ее инициативе, затрудняли продвижение курса ГМД. Как результат – поражение ГМД в 2000 г. и возникшие внутри партии разногласия. В процессе трансформации Гоминьдан из партии диктатуры преобразовался в партию тайваньской демократии. Внутренняя регенерация, приход новых лидеров и возможность диалога об идее «национальной идентичности» со сторонниками независимости острова закрепили это изменение [13, с. 227].

Период налаживания взаимопонимания между КПК и ГМД можно оценить умеренно позитивно. Успехи Гоминьдана в экономической и социальной сферах были достаточно условными. Более того, деятельность ГМД стала причиной ослабления политики ирредентизма, хотя на это повлияло и социальное недовольство населения из-за существовавшей в государстве коррупции.

Со своей стороны, Демократическая прогрессивная партия отреагировала на разумную политику Ху Цзиньтао усилением своей политики идентичности и давлением на международном уровне, что привело и к некоторым успехам, и к неудачам. После объявления об изменении названия государства (Тайвань вместо Китайской Республики) и принятия новой Конституции, способной определить развитие отношений между материковым Китаем и Тайванем в период правления Ху Цзиньтао, последовало предложение провести референдум о принятии Тайваня в Организацию Объединенных

Наций [1, с. 30]. Своим радикализмом Чэнь Шуйбянь создал напряженность и раздробил тайваньское общество. Однако он также заставил КПК и ГМД – старых врагов – сблизиться [9].

На основе анализа этих событий можно выделить следующие важные аспекты в политике Ху Цзиньтао на этом этапе:

1) отказ от применения «жесткой силы» как тактики, которая только усиливала антипатию Тайваня к Китаю;

2) ухудшение отношений между тайваньским руководством и оппозицией, которая протягивала руку Пекину, чтобы изолировать Чэнь Шуйбяня (это было очень важно для того, чтобы убедить ГМД в необходимости взаимопонимания с КПК);

3) заключение китайско-тайваньских эффективных бизнес-соглашений и формирование социально-экономических связей (по этой причине президенту Тайваня Чэнь Шуйбяню было все труднее продолжать пропагандировать враждебность и агрессивность к материковому Китаю).

III. Косвенные стратегии и фактическая унификация (2008–2012 гг.).

Двойная победа партии ГМД в 2008 г. с комфортным большинством в правительстве и контролем над президентом открыла новый период китайско-тайваньских политических отношений. В отличие от предыдущего длительного периода «остаточной холодной войны» отношения с материковым Китаем приобретают чрезвычайно важное значение и начинают строиться на основе стабильности и готовности к согласию и компромиссу. Поворот на 180°, который партия Гоминьдан сделала в тайваньской политике, ее корреляция с новой политикой, провозглашенной Ху Цзиньтао с 2005 г., стал результатом сложных процессов. Так, можно выделить некоторые аспекты.

1. Ослабление ДПП, вызванное обвинениями в коррупции Чэнь Шуйбяня и его окружения.

2. Избрание президентом Ма Инцзю, взявшем на себя лидерство в ГМД, который пошел против политики Чэнь Шуйбяня и объявил о честности, обновлении, открытости по отношению к обществу и преодолении основных внутренних разногласий. Это позволило вновь сфокусировать политический дискурс на нюансированной тайвани-

зации, которая не полностью отвергает стремление к объединению с материком.

3. Хорошие связи между ГМД и КПК, которые расширили круг понимания и взаимодействия сторон, когда участники диалога выступали за отказ от конфронтации.

4. Укрепление связей с Пекином, что способствовало нормализации прямых контактов, развитию туризма, постепенному отказу от ограничений на инвестиции и т. д. Был реализован проект построения «общего рынка», что не мешало тайваньским предпринимателям извлекать выгоду из экономического бума, происходящего на Тайване.

5. Отстаивание Ма Инцзю вопросов суверенитета с учетом существующих реалий и возможности Тайваня занять достойное место на международной арене (за исключением споров о членстве в ООН и/или ее учреждениях [11]), а также снижение дипломатической воинственной риторики, грозившей Тайбэю негативными репутационными рисками.

6. Готовность вести переговоры и подписать мирное соглашение, подтвержденное Ху Цзиньтао, но с условием удаления более тысячи ракет с материкового Китая, нацеленных на остров. Ма Инцзю рассматривал возможность увеличения военных расходов с 2,6 до 3 % ВВП на фоне расширения экономических контактов и включения в повестку дня подписания мирного соглашения [10].

Таким образом, в условиях политической разрядки было обеспечено развитие сотрудничества, но налаживание политических связей шло осторожно. Двусторонний конструктивный диалог между КПК и ГМД, начавшийся в 2005 г., нашел институциональную поддержку.

После китайско-тайваньского форума в Боао Ма Инцзю объявил, что сразу после вступления в должность будет способствовать возобновлению контактов между Ассоциацией отношений через Тайваньский пролив (ARATS) и Фондом обмена проливами (SEF). Он хотел воспользоваться текущей благоприятной атмосферой между двумя сторонами и затем возобновить диалог на исключительно практической основе. Первая встреча Ма Инцзю и Ху Цзиньтао состоялась в июне 2008 г. в Пекине. Стороны договорились повторять их поочередно

каждые полгода. Следующая была проведена в Тайване в декабре 2008 г.

Для поиска баланса в отношениях с материковым Китаем и дифференциации внутритайваньских экономических и политических аспектов, Ма Инцзю предпринял ряд шагов. Он назначил Чан Пинькуна из ГМД, ключевую фигуру в возобновлении контактов с КПК, ответственным за тайваньский SEF. С другой стороны, Ма Инцзю утвердил Лай Синьюаня, бывшего депутата Тайваньского союза солидарности с 2005 по 2008 г., главой Совета по делам материкового Китая.

Политика Ма Инцзю полагалась на «Консенсусе 1992 года» и принципе «трех нет»: никакого объединения, никакой независимости, никакого использования силы (это тезисы из его инаугурационной речи [4]).

Новый председатель партии ГМД У По-Сю через неделю после вступления в должность посетил Пекин. Содействию экономическому диалогу должно было привести к созданию общего рынка со свободным движением капитала, товаров и трудовых ресурсов. Политическое сотрудничество между КНР и Тайванем продвигалось медленнее, чем экономическое, но зато шла открытая межпартийная дискуссия, которая была дополнена диалогом SEF и ARATS.

Чэнь Юньлинь, который был главным переговорщиком со стороны материкового Китая, посетил Тайвань в ноябре 2008 г. Это был первый визит высокопоставленного китайского чиновника после окончания войны в 1949 г. Было подписано четыре соглашения по безопасности пищевых продуктов и коммуникациям. Также были расширены морские маршруты, открыты прямые авиарейсы, согласована нормализация почтового обмена и т. д. Самолеты и катера могли теперь напрямую пересекать Тайваньский пролив в обе стороны. Наряду с двусторонними вопросами обсуждалась также координация действий Китая и Тайваня в условиях финансового кризиса и глобального экономического спада. Отметив, что Китай, Тайвань и Гонконг обладают огромными финансовыми ресурсами, Чан Пинькун предложил создать фонд валютных резервов, аналогичный тому, который имели страны АСЕАН [3].

Либерализация обмена шла очень быстро. В декабре 2008 г., после того как

была обеспечена конвертация материкового юаня и тайваньского доллара, было объявлено, что денежные переводы между двумя сторонами пролива будут возможны с февраля 2009 г.

IV форум «Экономическая торговля и культура», организованный КПК и ГМД, который прошел в Шанхае 21 февраля, согласовал меры и политику по преодолению финансового кризиса и открытию новых деловых и инвестиционных возможностей для предпринимателей Тайваня. Тайбэйский фондовый рынок открылся для материковых институциональных инвесторов, хотя и с некоторыми ограничениями (опасались, что инвесторы возьмут под контроль тайваньские предприятия, подняв лимит объема тайваньских инвестиций на китайский фондовый рынок с 40 до 60 % их чистого капитала). Происходила нормализация коммуникаций, был замечен прогресс промышленной кооперации в таких отраслях, как аэрокосмическая, нефтяная, автомобильная, электротехническая и т. д.

В своей речи 2009 г., когда отмечалась 30-я годовщина «Послания соотечественникам на Тайване» (1979 г.), Ху Цзиньтао озвучил шесть новых предложений, направленных на ускорение сближения острова и материка. Как основной принцип деятельности он предложил гибкость в процессах, не только связанных с экономикой, но и влияющих на такие чувствительные сферы, как международные отношения Китайской Республики и военные обмены. Кроме этого, материковый Китай облегчил Тайбэю доступ к таким международным организациям и соглашениям, как многостороннее соглашение о государственных закупках в ВТО, где Тайвань был заблокирован на шесть лет. Китай допустил участие и право голоса Тайваня в рамках Агентства по информации и сотрудничеству в области международной торговли, в котором он состоял в качестве наблюдателя с 2007 г, а также способствовал участию тайваньских ученых в совещаниях экспертов ВОЗ [9].

В Сингапуре в середине ноября 2009 г. на саммите АТЭС состоялась встреча Ху Цзиньтао и Линь Чана, на которой было решено стимулировать торговлю в целях развития двусторонних отношений. Эта тема была также главной на встрече ARATS и

SEF в Тайчжуне на фоне сильных протестов, организованных оппозицией.

В течение 2009 г. удалось подписать несколько соглашений о двустороннем сотрудничестве, подкрепленных финансовыми пожертвованиями для компенсации убытков от тайфуна Моракот, а также закупочными миссиями, такими как миссия компаний провинции Цзянсу (объединившая примерно 3 тыс. человек с общим сбором 4,13 млрд долл. США). Еще одно соглашение касалось управления и банковского надзора, что дало возможность облегчить процедуру открытия филиалов банков. Кроме того, Китай официально заказал поставку крупной партии сельскохозяйственной продукции из Тайваня на сумму 1,25 млрд долл. США до конца 2010 г. [10].

На локальном уровне власти провинции Фуцзянь, расположенной на побережье Тайваньского пролива, решили создать экономическую зону, которая обеспечила бы платформу для сотрудничества между обеими сторонами пролива. Материковый Китай расширил список бизнес-предложений для тайваньских компаний, чтобы они могли закрепиться в Китае.

Два года правления ГМД на Тайване принесли заметные позитивные сдвиги в отношениях Тайваня и КНР. Были согласованы и заработали 12 соглашений, подписанных между ARATS и SEF. Это свидетельствовало о крепнущих связях с материковым Китаем, причем удавалось обходить вопросы, связанные с военной сферой. Требования общественности о выводе ракет, направленных на остров (с обращения к Европейскому парламенту выступила председатель Совета по делам материка Лай Шинюань, похоже, не повлияли на уровень взаимного доверия между двумя сторонами.

О масштабах китайско-тайваньского сотрудничества можно судить по тому, что с начала 2010 г. представительные делегации муниципалитета Шанхая и провинций Хубэй, Фуцзянь, Гуйчжоу, Цинхай, Шаньдун, Сычуань и Чжэцзян, а также Министерства торговли и сельского хозяйства КНР неоднократно посещали Тайвань по вопросам налаживания и укрепления экономических связей с островом. А второй Форум проливов, проходивший в Фуцзяне – юго-восточной провинции Китая – с 18 по 25 июня, собрал более 10 тыс. человек.

Муниципальные выборы в Тайване 27 ноября 2010 г. вновь актуализировали тему континентальной политики ГМД и дали основания для прогноза возможных результатов президентских выборов 2012 г. До парламентских и президентских выборов оставалось более года, поэтому начался новый политический цикл, обусловленный борьбой за власть между двумя основными силами – ГМД и ДПП. Учитывая итоги муниципальных выборов, президент Ма Инцзю мог надеяться на переизбрание, не подвергаясь критике со стороны однопартийцев, но это ни в коем случае не может гарантировать победы.

Ход предвыборной президентской кампании дал представление о формализации неофициального диалога с властями материкового Китая. Когда ДПП объявила об изменении политического направления, она ясно дала понять, что не хочет, чтобы ее вывели из диалогового процесса, которой партия ГМД вела в одиночку. Курс ГМД характеризовался прагматизмом и привлекал центристский электорат, за который боролись обе партии в 2012 г. [6].

Переломный момент в перетягивании каната наступил 14 января 2012 г. Обе партии пришли на выборы с очень жесткими прогнозами позициями, не очень изменившимися за последние четыре года. Во время предвыборной кампании вновь главным вопросом стала национальная идентичность, или характер отношений между островом и Китаем.

В повестке дня стояли также вопросы о будущем атомной энергетики, безработице, растущем неравенстве, коррупции и т. д. Однако основным для тайваньских избирателей был вопрос об определении национального достоинства. Часть электората считала, что ГМД и его кандидатом Ма Инцзю оно было принесено в жертву с целью ускорить сближение с материком. Другие это сближение объясняли реализмом, способствующим сотрудничеству.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Следует подчеркнуть общую согласованность основных лиц, которые были задействованы в разрешении «тайваньского вопроса».

2. Взаимопонимание между ГМД и КПК являлось ключом к стабильности отношений материкового Китая и Тайваня. Принятие принципов «Консенсуса 1992 года» добавляло процессу сближения определенности, хотя это и не было абсолютной гарантией его необратимости.

3. Главная уязвимость политических процессов в рассматриваемый период заключалась в динамичности и многовекторности тайваньской политики. Прогресс в отношениях с Китаем напрямую зависел от способности Гоминьдана обеспечить в Тайбэе свое лидирующее положение. Для этого необходимо было сбалансировать желание быть частью материка и укрепление тайваньской идентичности.

4. Идея неконфронтации, имевшая широкую общественную и политическую поддержку, позволяет гражданскому обществу влиять на этот процесс, оказывая давление на политических акторов. Сохранение статус-кво являлась отправной точкой для любого консенсуса внутри Тайваня. Ни объединение, ни независимость не имели поддержки большинства населения.

5. Прогресс, который наблюдался в китайско-тайваньских отношениях на протяжении многих лет, необязательно предвещает быстрое разрешение «тайваньского вопроса». Напротив, материковому Китаю потребуется продемонстрировать нечто большее, чем экономическая привлекательность, чтобы завоевать симпатии общественности Тайваня.

Наконец, нет заранее определенного решения. Обе стороны с открытой позицией должны исследовать политическую и социально-экономическую ситуацию, участвуя в создании новых форм международного существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плеханов, Д. В. Проблема признания Тайваня в международном обществе / Д. В. Плеханов // Электрон. прил. к Рос. юрид. журн. – 2013. – № 15 (1). – С. 29–31.

2. Помозова, Н. Б. Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XIV–XIX съездах Коммунистической партии Китая / Н. Б. Помозова // Гос. и муницип. упр. – 2018. – № 4. – С. 156–161.
3. Cabestan, J. P. «Ironies and lessons of Chen Yunlin’s visit to Taiwan» [Electronic resource] / J. P. Cabestan. – Mode of access: <http://www.nottingham.ac.uk/cpi/publications/commentaries-reports/2008/cabestan-taiwan>. – Date of access: 14.04.2021.
4. China’s army declares zero tolerance of «Taiwan independence» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://spanish.peopledaily.com.cn/31621/6228735.html>. – Date of access: 13.04.2021.
5. Hu Jintao meets with Lien Chan [Electronic resource]. – Mode of access: http://english.peopledaily.com.cn/200604/16/eng20060416_258782.html. – Date of access: 14.04.2021.
6. DPP Chair Tsai Ingwen’s remarks at opening of New Frontier foundation think tank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dpptaiwan.blogspot.com/2011/02/dpp-chair-tsai-ing-wens-remarks-at.html>. – Date of access: 14.04.2021.
7. Keohane, R. Power and Interdependence: World Politics in Transition / R. Keohane, J. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p.
8. Lu Yu-Ting. Taiwan, cambio político e identidad nacional / Lu Yu-Ting // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. – 2006. – Nr 13. – P. 131–150.
9. Speech of the Chinese President on Taiwan [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.spanish.xinhuanet.com/spanish/2009-01/04/content_791756.htm. – Date of access: 13.04.2021.
10. U. S. Department of State, Investment Climate Statement-Taiwan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.state.gov>. – Date of access: 14.04.2021.
11. WHO «Memorandum: Procedures Concerning an Arrangement to Facilitate Implementation of the International Health Regulations (2005) with Respect to the Taiwan Province of China» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/57152017/WHO-Memo-on-Taiwan-Status>. – Date of access: 14.04.2021.
12. Paredes, X. R. Taiwan y el criptoindependentismo de Chen Shui-bian / X. R. Paredes // Anuario Asia-Pacífico. – 2004. – Nr 1. – P. 241–250.
13. Paredes, X. R. China: la agenda de Hu Jintao / X. R. Paredes // Anuario CIP. – 2006. – P. 211–228.
14. Paredes, X. R. China despois do XVII Congreso do PCCh: a renovación da reforma / X. R. Paredes // Tempo exterior. – 2007. – № 15. – P. 127–134.

REFERENCES

1. Pliekhanov, D. V. Problema priznanija Tajvania v miezhdunarodnom obshchestvie / D. V. Pliekhanov // *Elietron. pril. k Ros. jurid. zhurn.* – 2013. – № 15 (1). – S. 2–31.
2. Pomozova, N. B. Otrazhenije vnieshnepolitichieskogo viekтора v diskursie dokladov na XIV–XIX sjezdakh Kommunistichieskoj partii Kitaja / N. B. Pomozova // Gos. i municip. upr. – 2018. – № 4. – S. 156–161.
3. Cabestan, J. P. «Ironies and lessons of Chen Yunlin’s visit to Taiwan» [Electronic resource] / J. P. Cabestan. – Mode of access: <http://www.nottingham.ac.uk/cpi/publications/commentaries-reports/2008/cabestan-taiwan>. – Date of access: 14.04.2021.
4. China’s army declares zero tolerance of «Taiwan independence» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://spanish.peopledaily.com.cn/31621/6228735.html>. – Date of access: 13.04.2021.
5. Hu Jintao meets with Lien Chan [Electronic resource]. – Mode of access: http://english.peopledaily.com.cn/200604/16/eng20060416_258782.html. – Date of access: 14.04.2021.
6. DPP Chair Tsai Ingwen’s remarks at opening of New Frontier foundation think tank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dpptaiwan.blogspot.com/2011/02/dpp-chair-tsai-ing-wens-remarks-at.html>. – Date of access: 14.04.2021.
7. Keohane, R. Power and Interdependence: World Politics in Transition / R. Keohane, J. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p.
8. Lu Yu-Ting. Taiwan, cambio político e identidad nacional / Lu Yu-Ting // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. – 2006. – Nr 13. – P. 131–150.

9. Speech of the Chinese President on Taiwan [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.spanish.xinhuanet.com/spanish/2009-01/04/content_791756.htm. – Date of access: 13.04.2021.

10. U. S. Department of State, Investment Climate Statement-Taiwan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.state.gov>. – Date of access: 14.04.2021.

11. WHO «Memorandum: Procedures Concerning an Arrangement to Facilitate Implementation of the International Health Regulations (2005) with Respect to the Taiwan Province of China» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/57152017/WHO-Memo-on-Taiwan-Status>. – Date of access: 14.04.2021.

12. Paredes, X. R. Taiwan y el criptoindependentismo de Chen Shui-bian / X. R. Paredes // Anuario Asia-Pacífico. – 2004. – Nr 1. – P. 241–250.

13. Paredes, X. R. China: la agenda de Hu Jintao / X. R. Paredes // Anuario CIP. – 2006. – P. 211–228.

14. Paredes, X. R. China despois do XVII Congreso do PCCh: a renovación da reforma / X. R. Paredes // Tempo exterior. – 2007. – Nr 15. – P. 127–134.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 19.10.2021